

Тайна Ледяных Пиков

Аэлинн Сейдж

18+

Аэлинн Сейдж

Тайна Ледяных Пиков

«Автор»

2026

Сейдж А.

Тайна Ледяных Пиков / А. Сейдж — «Автор», 2026

Эйридан — королевство, где магия вышита в узорах, а жизнь подчинена древним договорам. Здесь магия — это тонкое плетение чувств, драконы — силы природы, а самый опасный враг скрывается внутри. Айвен - искусная плетельщица душ, исцеляет жителей королевства от внутренних демонов, забывая о своей потребности в исцелении. Она посвящает себя служению народу Эйридана, своей семье. Всё меняется с появлением Ланса, укротителя драконов, чья воля крепче стали. Между ними рождается связь — тихий «остров» в океане условностей. Книга о сложном и прекрасном пути к обретению себя. Идеально для поклонников атмосферных саг, сложных персонажей и финалов, которые не дают покоя ещё долго после прочтения. Трансформационная книга, которая меняет не только судьбу героини, но и угол зрения читателя.

© Сейдж А., 2026

© Автор, 2026

Аэлинн Сейдж

Тайна Ледяных Пиков

Знакомство: Мир, вышитый на ковре

Королевство Эйридан раскинулось у подножия Ледяных пиков. Мудрецы тех краёв верили, что их Королевство - это древние спящие боги. Их дыхание было ветром, а сны — вечными снегами. Это был мир, сотканный из договоров. Договор с землёй: мы пашем твои долины, а ты даёшь нам хлеб. Договор с горами: мы не тревожим твоих богов, а ты позволяешь нам добывать руду. И самый древний, самый хрупкий договор — с драконами.

Здесь драконы были силами природы, одушевлёнными, своевольными, мудрыми. Одни, как каменные исполины, спали в глубине гор, и их сны влияли на устойчивость почвы. Другие, ледяные змеи, плескались в высокогорных озёрах.

А огнедышащие, чешуйчатые горные драконы, подобные Азраэлю Айвен, были силой одновременно разрушительной и созидательной — они очищали старые леса для нового роста.

Управляли этим тонким равновесием Укротители. Их гильдия, чьи форпосты стояли на границах с дикими землями, была одной из самых уважаемых и закрытых. Укротитель должен был обладать волей крепче стали и душой, чистой, как горный ручей, чтобы дракон согласился услышать его.

Ланс был одним из таких. Его слово на границе значило больше, чем указ столичного чиновника.

Магия Эйридана была тихой, кропотливой... женской в своей основе. Её вышивали.

Мастерицы-плетельщицы вплетали в узоры ковров, гобеленов, даже в орнаменты на одежде — нити намерения, обереги, истории. Ковёр в доме хранил тепло очага, отводил ссоры, притягивал удачу.

Айвен, с её чужеземной кровью, обладала яркой чувствительностью: она не только плела узоры, она читала такие узоры... в людях... как другие читают книги. Благодаря этому, она исцеляла жителей Эйридана от «мозговой лихорадки» — болезнь души, когда внутренний узор человека запутывался и начинал вредить самому себе.

Столица, Белый Шпиль, сверкала на солнце ажурными башнями из светлого камня. Здесь правила сложная, как кружево, иерархия. На вершине — Король и Совет Старейшин, хранящие древние договоры. Ниже — военные ордена, гильдии ремесленников (среди которых гильдия Плетельщиц была могущественна и таинственна) и торговые дома.

Фейринг, муж Айвен, был ведущим военной системы: блестящий стратег, лорд, чей ум выстраивал логистику караванов и расстановку войск с математической точностью. Его дом был образцом вкуса и статуса, а его семья — безупречным проектом.

Дети Айвен и Фейринга росли в тени этого безупречного проекта. Каждый по-своему пробивался к свету.

· Ниара, 16 лет. Старшая дочь, с умными глазами цвета голубого и зеленого морей. Она унаследовала материнскую чуткость и отцовскую аналитическую хватку. С интересом изучала древние языки договоров людей с землями, на которых они обитали.

· Роланд, 14 лет. Мечтатель. Его манили старые баллады и рассказы о драконах. Он рисовал их в своих свитках.

· Дастиан, 10 лет. Сорванец с озорными искорками в глазах. Его стихия — действие, скорость, практические шутки. Пока что его мир прост и ярок.

· Ставиан, 5 лет. Нежный, привязанный к матери мальчик. Его детская магия проявлялась в умении находить потерянные вещи — будто он чувствовал нарушенную гармонию в узоре дома.

Над Королевством обитал ветер. Постоянный, несущий с севера запах льда и эхо песен, которые пели первые поселенцы, заключая договор с этой суровой, прекрасной землёй. Ветер, который мог донести шёпот, слово, энергию... обращённую к другому сердцу через сотни лиг. Послание, которое слышал только тот, кому оно было предназначено

Именно в этом мире, где законы чести были крепче стен, а чувства должны были вписаться в строгий узор долга, и встретились две души, для которых не было готового шаблона. Их история началась с тихого треска по ледяному панцирю правил, под которым забурилась живая, тёплая, запретная вода.

Глава 1. Тихие миры

День Ланса.

Теплый, уютный дом. Утро. Ланс. Храбрый воин, Укротитель драконов, уважаемый всем Королевством. Каждый день, глядя на спящие лица своих сыновей он помнил: его долг и клятва - защитить. Обеспечить. Быть опорой

Лирель, его жена, уже хлопотала у очага, и солнечный свет, падавший в высокое окно их каменного дома в гарнизонном посёлке, окутывал её нимбом. Она была мила, как мелодия старой колыбельной — знакомая, успокаивающая. Её красота была безупречна: светлые волосы, заплетённые в тугую, практичную косу, ясные голубые глаза, будто отражавшие небо над мирными долинами. Она улыбалась, и в её улыбке не было ни тревожных вопросов, ни бушующих глубин. Была тихая уверенность.

Они говорили о делах гарнизона, о предстоящей ярмарке, о новых сапогах для подрастающих мальчишек. В их разговоре была прочность домотканого полотна. Иногда Ланс ловил себя на мысли, что слушает не слова, а этот самый покой, и благодарен за него. Это была его гавань. И он был её стражем.

День Айвен.

Её мир - это тишина Башни Исцеления на рассвете, когда первые лучи солнца оживляли магические узоры на стенах. Здесь пахло полыньёю, шалфеем и озоном от только что угасших кристаллов.

Фейринг уезжал раньше всех, оставив после себя запах парфюма и лёгкий холодок в их огромной супружеской опочивальне. Он оставил и список дел, аккуратно выписанный на пергаменте: встречи, приёмы, вопросы по обучению детей. Он любил её, это она знала. Его любовь была как прекрасно спроектированная крепость — внушительная, безопасная, с чёткими границами и правилами пребывания. Он дарил ей статус, стабильность, восхищался её «необычной» красотой как редкой диковинкой в своей коллекции. И Айвен хотелось, чтобы хоть ино-

гда он спрашивал, о чём она думает, глядя на тучи, несущиеся с севера. Его ум, острый как лезвие, был занят стратегиями для реального мира. Мир чувств, мир «мозговой лихорадки», который она лечила, был для него сферой иррациональной, почти подозрительной.

Их дети — пытливая Ниара, мечтательный Роланд, озорной Дастиан и маленький Ставиан — были островками живого, неподдельного тепла. Порой, в системе их семьи Айвен чувствовала себя самой ценной, самой ухоженной, но и самой одинокой.

Она создала свою семью по любви. По настоящей и сильной. В этой любви она прошла через множество испытаний. Выросла и стала сильной. И так же, благодаря своей любви, она обрела свое предназначение

Глава 2. Целительница

Клиентка лежала на кушетке из пепельного дерева, её сознание металось, как птица в стеклянной ловушке. «Мозговая лихорадка» — не болезнь тела, а сбой в магическом резонансе души с миром. Узоры её мышления сплелись в узел кошмаров после смерти мужа.

Айвен села рядом, положив руки на виски женщины. Она слушала. Её сознание, отточенное годами, мягко проникало в хаос, находя там обрывки образов: крик чайки, вкус пересоленной ухи, синий цвет плаща, который теперь покоится в сундуке.

«Он не в узорах, — тихо заговорила Айвен, её голос был низким и тёплым, как мёд — Он в страхе перед тишиной, которая осталась после него. Вы не боитесь забыть. Вы боитесь, что будете помнить вечно, и это будет невыносимо.»

Женщина забилась. Айвен усилила поток спокойствия, чистого, как горный родник. Она переплетала болезненные нити, вплетая в них золотые нити принятия: «Боль — это тоже связь. Но связь не должна быть клеткой. Отпустите его в ветер. Пусть он будет балладой, которую поёт душа»

Женщина уснула, и на её лице впервые за долгое время появилось детское, безмятежное выражение. Айвен откинулась, вытерла со лба капельки пота. Она могла исцелять чужие души, распутывать чужие узлы. Свой же, тугой клубок тихой тоски, она аккуратно прятала в самый дальний угол сердца, где его не могла найти даже её собственная мудрость.

Именно в этот момент, вернувшись в свой кабинет, она увидела молодого, яростного дракона Азраэля, который в очередной раз чуть не спалил восточный флигель. Рядом лежала записка от смотрителя: «Целительница, он не слушается. Нужен специалист. Говорят, лучший — некий Ланс, с Северного форпоста. Оставляю Вам координаты канал с его кристаллом связи»

Судьба, похоже, решила подкинуть ей новый, очень сложный и опасный узел.

Глава 3. Голос из кристалла

Айвен отправила послание укротителю с Северного форпоста по кристаллу связи. Это был самый быстрый и удобный способ общения.

Его голос донёлся низким, спокойным баритоном, в котором не было ни спешки, ни суеты. Голосом человека, привыкшего, что его слушают горы и повинуются драконы.

«Говорит Ланс. Вы спрашивали об укрощении драконов»

И завязался диалог

Они говорили час. Об интонациях команд, о границах личного пространства дракона, о языке тела. Айвен, обычно сдержанная, ловила себя на том, что говорит страстно, задаёт вопросы, которые годами не решалась задать никому — о природе воли, о праве одного существа вести за собой другое. Он отвечал чётко, без лишних слов, но в каждом его ответе была глубина, понимание сути и структуры взаимодействия

За этот час, не видя его лица, Айвен поняла две вещи: этот человек знает о драконах — а значит, и о дикой, необузданной природе всего сущего.

Её собственная душа, годами дремавшая в тени практичности и долга, отозвалась на этот голос без памяти, без разрешения, безо всякой надежды. Ещё не видя его, она уже была очарована.

Глава 4. Воля, а не просьба

Высокогорный загон пах ледяным ветром, навозом и серой. Азраэль, молодой дракон цвета воронова крыла с янтарными глазами, метался на магическом поводке, выдыхая клубы дыма. Айвен, в простом дорожном платье, с трудом удерживала Азраэля, а пальцы немели от напряжения.

И тогда она увидела его.

Ланс вошёл в загон без суеты, словно всегда здесь был. Такой спокойный, высокий. Он двигался плавно и уверенно. Его волосы, цвета спелой пшеницы, были коротко стрижены. Он не смотрел на дракона как на проблему или чудовище. Он смотрел как на факт.

Не говоря ни слова, он взял аркан из её окоченевших пальцев. Его прикосновение было мимолётным, но от него по её руке пробежала странная дрожь. Затем Ланс повернулся к Азраэлю. Он не кричал, не угрожал. Он просто посмотрел. И в его взгляде, цвета летнего неба, была такая концентрация тихой, непоколебимой воли, что дракон замер, заглядывая ему в лицо, и притих... лишь лёгкий дымок струился из ноздрей.

Только тогда Ланс обернулся к Айвен. Взгляд его скользнул по её лицу, по тёмным, чужеземным глазам, по чёрным как смоль волосам, и в нём не было ни любопытства, ни осуждения. Был лишь профессиональный интерес.

«Вы не умеете отдавать приказы,— сказал он ровным голосом, который теперь звучал ещё глубже, чем по кристаллу. — Вы просите. Мир драконов не слышит просьб. Он слышит волю.»

Это были не слова упрёка, а констатация факта. Будто он только что объявил, что на улице сегодня прохладно. Этой фразой он попал прямо в сердце сокровенной жизненной проблемы Айвен... Она просила внимания у Фейринга, просила понимания у общества, просила у самой себя разрешения быть сильной. Она никогда не требовала.

С этой минуты он начал учить не только её дракона. Он стал её учителем...учителем без амбиций, другом. Другом, в которого она была влюблена с первого услышанного слова. Но признаться в этом себе она позволила лишь спустя годы.

Глава 5. Хижина и три удара сердца

Ветер с Ледяных пиков был холодным и говорящим. У северян считалось, что в нём застревают обрывки древних песен, клятв, данных у разбитых алтарей, и молитв, которые так и не долетели до Богов.

Айвен шла по лесной тропе, кутаясь в плащ, и слушала этот шёпот. Её магия, унаследованная от матери-чужеземки, была в умении слышать тишину между нотами мира. И сейчас тишина внутри неё была гулкой, полной ожидания.

Они договорились встретиться у дальнего родника, куда даже лесничие заглядывали раз в сезон. Место было нейтральной территорией, как и всё пространство между ними — тщательно вымеренное, выверенное годами. Ланс уже был там, и ожидал Айвен, прислонившись к стволу древнего кедра. На нём была простая походная одежда, на поясе висели только нож и маленький мешочек с солью — обязательный дар духам места для путников в этих лесах.

«Ночной дозор закончил, драконы спят, — сказал он вместо приветствия, и в уголках его глаз обозначились лучики морщин от улыбки. — Предлагаю не мерзнуть на ветру. Ты завтракала?»

Они направились к небольшой, почти игрушечной хижине, сложенной из темных брёвен и присыпанной первым инеем. Это было пристанище троллей? Старая застава? Айвен не спрашивала. Внутри пахло дымом, сушёными грибами и покоем. За стойкой дремала дородная женщина с лицом, испещрённым морщинами, как картой дальних странствий. Она кивнула Лансу, словно старому знакомому и, не спрашивая, принесла две миски дымящейся овсяной каши с ягодами брусники.

Они ели и говорили... о драконах, о новых травах в её саду, о капризах погоды, о том, что зима будет ранней. Их слова были как сплетённые украшения из бусин — каждое знакомое, каждое на своём месте, создающее успокаивающий узор.

И вот, в этот узор, Айвен вплела новую, дрожащую нить. Это произошло незапланированно, и так...логично. Она придвинулась на грубой скамье... на ширину ладони. И в их пространстве и небольшой дистанции это движение было сродни землетрясению. Затем, будто продолжая начатое, она обняла его. Она обнимала его и раньше — после особенно опасных тренировок, в моменты облегчения. Но то были объятия соратников: крепкие, быстрые. Это было иное. Медленное. Нерешительное. Она прильнула к нему боком, положив голову ему на плечо, где ткань рубашки уже хранила тепло его тела. Её рука обвила его спину, и сквозь тонкую шерсть она ощутила знакомый рельеф мышц, жёсткость старого шрама на лопатке. В ее груди зародилось яркое, уютное тепло, медленно и мягко расходившееся по всему телу. Она будто почувствовала себя...дома

Ланс замер. Вся его дисциплина, вся выстроенная годами крепость самообладания дала трещину. Айвен почувствовала, как под её щекой напряглись его мышцы. И затем... затем его рука легла на её плечо. Тяжёлая, тёплая, властная. Она бережно прижала к себе Айвен. Потом медленно спустилась ниже, к сгибу её локтя, мягко, но неумолимо притягивая её ещё ближе.

И тогда его пальцы нашли её руку, лежавшую у него на поясе. Он сплел с ней свои пальцы. И потом накрыл её ладонь своей. Широкой и могучей, шершавой от работы с поводьями и оружием. Сжал. Не сильно. Но так, что в этом сжатии, в этом молчаливом удержании, было всё: немой вопрос, немой запрет, немое признание и горькая сладость потерянного контроля.

В этот миг мир перестал быть прежним.

Айвен физически ощутила, как по её коже, от кончиков пальцев, сжатых его рукой, до самых корней волос, пробежала волна жгучего, сладкого тока. Он оживлял каждую клетку, каждую забытую надежду. Всё внутри неё зазвенело и встрепенулось, как струны арфы, на которой десятилетиями никто не играл, и вот коснулась рука мастера. Её тело, всё её существо, отозвалось на это прикосновение единым, огненным, трепещущим чувством. Этот отклик был так яростен, так всепоглощающ, что охватил её полностью. Сила этого чувства грозила смести плотины, все годы выстроенного самоограничения, всю её прежнюю жизнь

Едва она дрогнула, сделала попытку отстраниться, как его рука, лежавшая на её ладони, сжалась сильнее. Стальная хватка укротителя, удерживающая дракона на краю пропасти. Другая его рука мягко, но неумолимо притянула её обратно. Он смотрел на неё. Он улыбался. Айвен чувствовала, как он напряжён... как тетива лука, натянутого до предела. В воздухе будто сверкали искры от их напряжения.

«Что ты чувствуешь?» — спросил он. Голос был низким, полным напряжения. Его вопрос звучал, как просьба подтвердить взаимность его чувств. Айвен закрыла глаза, прислушиваясь к урагану. «Я не знаю... — выдохнула она с искренней растерянностью. — Я никогда такого не чувствовала.»

Это была правда. Это было ни с чем не сравнимое состояние. Страшное и прекрасное. Как падение с утёса с уверенностью, что внизу — не камни, а море, которое ждало тебя всю жизнь.

И в этот момент из-за занавески появилась трактирщица с кувшином парного молока. Её прищуренные глаза скользнули по ним — по их фигурам, по немому диалогу, витавшему в воздухе, который был плотнее дыма. И на её губах появилась услужливая улыбка трактирщицы. Этой улыбки, этого стороннего свидетельства, оказалось достаточно, как ледяной воды, отрезвившей их. Они неспешно разомкнули руки. Допили чай, нежно улыбаясь друг другу. Ланс положил на стол серебряную монету, больше обычной платы. И они вышли, оставив за спиной тепло хижины и всевидящий взгляд трактирщицы.

На улице они стояли друг напротив друга, и между ними бушевало то, что вырвалось на свободу. Они будто всей кожей, всем нутром смотрели друг на друга... с огромной, невысказанной нежностью. В воздухе висело немое «не хочу уходить», такое же плотное и реальное, как стволы кедров вокруг.

Но где-то вдалеке прозвучал рог городской стражи — этот звук вернул их к реальной жизни. Где-то её ждал Фейринг с немymi вопросами в глазах и списком дел на завтра. Где-то его ждала Лирель. Их жизни, их долги, их клятвы.

Они обнялись на прощание. Объятия были тёплыми... крепкими и долгими. Во взгляде Ланса читалась такая ласковая тоска... и безусловное принятие Айвен и всего того, что произошло в хижине... Айвен ответила едва уловимым движением ресниц.

Он развернулся и ушёл по тропе к форпосту. Она — к дороге, где ждала колесница. Каждый шаг отдалял их физически, но пламя, разожжённое в хижине, не угасало. Оно горело внутри каждого, отдельно, жарким, тревожным, прекрасным огнём.

Они вернулись в свои жизни, унеся с собой знание: дверь больше не была заперта на крепкий замок. И от лёгкого толчка — взгляда, случайного прикосновения, мысли — могла распахнуться, впуская в их размеренный мир неконтролируемый, ослепительный и губительный свет.

Глава 6. Лирель

В доме Ланса пахло хлебом и ладаном. Лирель зажгла свечу на столе у окна. Её движения были плавными, отточенными годами. Она вышивала коврик, простой и уютный. В нём читалась гармония и тепло их дома.

Она слышала, как Ланс вернулся позже обычного. Слышала, как он дольше обычного возился у колодца, умывая лицо ледяной водой. Когда он вошёл, она подняла на него глаза. В его взгляде она увидела тень. Будто усталость от дозора. И что-то иное... Что-то, что он нёс в себе, как ношу.

«Тяжёлый день?» — спросила она, откладывая вышивку.

«Да,— коротко ответил он, снимая плащ. — Драконы беспокойны. Чуют раннюю зиму.»

Он не лгал. Драконы чуяли перемены. Но Лирель, чувствовала, что речь не только о драконах. В нём была тихая буря. Та, что не выходит криком, а оседает свинцом в душе.

Она не стала настаивать с расспросами. Её сила была не в том, чтобы вытягивать правду, а в том, чтобы быть тихой гаванью, куда он мог вернуться. Она встала, налила ему чаю из согревающих трав.

«Отогрейся,— сказала она просто. — Мальчики сегодня хвалились, как почти собрали нового воздушного змея. Ждали тебя, чтобы показать.»

В её голосе не было упрёка. Было напоминание. Ты здесь нужен. Здесь — твои сыновья, твой дом, твои жена, которая не задаёт лишних вопросов.

Ланс взял чашку, его пальцы на миг сомкнулись вокруг её руки в благодарном жесте. Лирель улыбнулась своей спокойной улыбкой и вернулась к вышивке. Сидя в круге света от свечи, она была воплощением мира, который он поклялся защищать.

И только когда он ушёл проверять, спят ли дети, она на миг опустила руки на колени и позволила себе просто посидеть в тишине. В тишине, которая вдруг показалась ей не такой уж мирной, а звенящей, как воздух перед грозой. Она не знала, откуда придёт буря. Но женское сердце, наделённое иной чуткостью, уже слышало её далёкий раскат. И в её глазах, обычно таких ясных, на мгновение мелькнула тень той самой древней печали, что носят в себе все жёны воинов, чьи мужья сражаются с невидимыми драконами.

Глава 7. Айвен и Фейринг

Совместный путь Айвен и Фейринга начался стремительно. Фейринг был очарован и влюблён в неё с первой случайной встречи. Он был решителен. Его слова и действия не предполагали спора и несогласия. Айвен была его целью. И он, как искусный стратег настойчиво добивался её. А добившись, он осознал, что будет самым счастливым человеком на земле. И это пугало его. Пугало, что он может это однажды потерять. И он отстранился от жены... Айвен

не понимала, ведь он так стремился быть с ней. А теперь, когда они — супруги, его нет рядом. У них рождались дети, они росли, были семейные праздники...но Фейринга не было рядом. У него были свои очень важные дела. И когда Айвен просила его хоть иногда быть с семьёй, он взрывался, злился. Просил, чтобы его не трогали.

Шли годы. Айвен смирилась, что Фейринг не может дать ей то, что ей хотелось, о чём она мечтала с детства: гармоничную, дружную семью. Семью-команду, живущую для общей цели — быть счастливыми.

Это было ни хорошо, ни плохо. Это просто было. Айвен ценила то, что Фейринг давал. Она понимала, что больше дать он просто не мог. Что то, что он даёт ей и детям: морально, эмоционально, духовно и физически — это его максимум. Больше у него просто не было. Это как просить фрукты у шкатулки с пуговицами.

Айвен осознавала, что её счастье зависит только от неё самой. Быть счастливым — это личная ответственность каждого. И она выстроила свою жизнь без участия своего супруга

Глава 8. Уравнение с неизвестным .Буря Фейринга.

Счастье Айвен стало его главной загадкой и неоспоримым доказательством предательства.

Фейринг, чей ум мог просчитать снабжение армии на три кампании вперёд, или предугадать колебания цен на драконью сталь на бирже Гильдий, оказался беспомощен перед простейшим, самым древним уравнением: жена + тайна = измена. Он выстраивал логические цепочки, но они рассыпались, как песок, потому что основа была не из цифр и фактов, а из запахов, взглядов и той проклятой тишины, что воцарилась в его доме.

Она не пряталась. Не лгала. Она светила. В этом и был кошмар. В ней появилось новое качество. Спокойствие. Глубокое, тёплое, как вода в горном озере в безветренный день. В её тёмных глазах, всегда таких глубоких и чужих, теперь стоял не просто свет — стоял мир. Мир, в который ему не было доступа.

Он дарил ей дорогие подарки из южных стран — резные шкатулки, шёлковые платки. Она благодарила улыбкой, той самой, новой, спокойной. Он заказывал для неё редкие манускрипты по целительству. Она просматривала их с профессиональным интересом и откладывала. Её интерес лежал где-то за пределами его щедрости.

Она стала уделять больше внимания детям, особенно Ниаре. Они могли часами говорить на каком-то своём, полусерьёзном-полушутливом языке, и Айвен смеялась таким живым, настоящим смехом, которого Фейринг не слышал годами. Этот смех резал его, как нож. Он был производной того самого, неизвестного ему мира.

И тогда стратег в нём взял верх над мужем. Тревожность и страх поглотили его с головой. И он решил узнать, что скрывает от него жена. Фейринг запустил свою сеть. Нанял соглядатых и слухачей. Они — мастера читать по губам в шумной толпе и подмечать мимолётные встречи, начали докладывать об Айвен. Иногда виделась с укротителем драконов Лансом у нейтральных застав. В присутствии других людей. Ничего предосудительного. Они говорили. Иногда она улыбалась...

Но самое страшное было в другом. Его шпионы ничего не могли подловить из их разговоров. Ни намёка, ни шёпота. Это было неестественно. Как будто они общались иначе. И тогда

Фейринг, в приступе ярости, пошёл на крайнюю меру. В трущобах столицы жил старик. Люди знали, что он сумасшедший. Боялись и сторонились его. Говорили, что разум старика был испорчен чтением запрещённых гримуаров и что он владел чёрной магией. Старик умел читать мысли людей, настраиваться на эфиры переговорщиков.

Конечно это было запрещено и низко. Но Фейрингу невыносимо было пребывать в своем подвешенном состоянии неясной тревоги. И он решился пойти к сумасшедшему старому колдуну.

— Действительно ли хочешь ты узнать то, зачем пришёл? Готов услышать то, зачем гоняешься? — прохрипел старик

— Да — решительно ответил Фейринг

— Для чего? Что ты будешь делать с этой информацией?

— Для своего понимания. Мне нужна правда...эта неизвестность хуже пыточной камеры...я больше не могу... я готов и хочу знать правду! И забрать моё... обратно...

— Мне чудится - ты сам уже придумал некую правду своей ситуации... и все, что я ни скажу тебе — ты услышишь так, чтобы лишь подтвердить то, что ты уже придумал, Фейринг...

— Ты много говоришь, старик! Займись своим делом, за которое я щедро заплатил. И после моего ухода - держи рот на замке — твёрдо ответил Фейринг и сжал губы...его скулы и все тело напряглись.

Колдун усмехнулся и ответил: “ Ты лишь думаешь, что знаешь о том, что хочешь. Но хорошо...я покажу тебе. А дальше — тебе самому решать, что это было.”

Колдун настроился на эфир воспоминаний Айвен и Ланса... и начал передавать их Фейрингу ... и он услышал: некие обрывки. Всплески. “Мир драконов не слышит просьб. Он слышит волю”... ” Предлагаю не мерзнуть на ветру. Ты завтракала?”....”Что ты чувствуешь?”— чей-то низкий, спокойный голос . “Ты - мой Остров...”— её мысленный шёпот, нежный, как прикосновение .

Это не были признания в любви. Это было хуже. Это был язык такой близости, такой глубины понимания, о которой он с женой даже не помышлял. Каждый такой обрывок был каплей расплавленного свинца в его душу. Его Айвен, его чужеземная жемчужина, его самый сложный и красивый проект, думала о другом мужчине. И думала так, как никогда — ни в мыслях, ни наяву — не думала о нём, о Фейринге

Его рациональный мир рухнул. На смену пришло животное, слепое бешенство, смешанное с леденящим страхом потери.

После визита к колдуну он стал допрашивать Айвен. Каждый день. Каждый её взгляд, каждый вздох вызывал у него множество вопросов... «О чём ты думала вчера, когда смотрела на юг?» — его голос звучал хрипло, он не кричал, он выдавливал из себя слова.

«О погоде.О ранней зиме для трав» — она отвечала спокойно, и в её глазах не было лжи. Была правда. Но не вся правда. Эта недосказанность сводила его с ума.

«Кто такой для тебя этот...Ланс?» — он не мог выговорить имя без спазма в горле.

«Укротитель.Специалист по Азраэлю. Коллега» — её ответ был безупречен. И снова — та страшная, недоступная ему глубина за этими словами.

Айвен видела, что Фейринг будто одержим... ей было страшно и одновременно она злилась на мужа... ведь его не было с ней весь их совместный путь, а сейчас он так грубо и злобно старается растоптать её личный, скрытый ото всех светлый мир. И в то же время она понимала, что с ним происходит: Фейрингу было невыносимо страшно... и больно...

Поэтому она делала глубокий вдох и отвечала на его эмоционально изматывающие вопросы честно и спокойно

Она видела, что он будто провоцирует её, ждёт от неё первой враждебной искры. Благодаря которой у него появится право на безграничную жестокость.

Он угрожал. Ей, её дракону, её работе. Её связи с детьми. «Я могу отослать этого зверя на дальний форпост. Закрывать твою Башню для «сомнительных» практик. Ниара скоро должна будет выйти замуж — я выберу достойную партию». Он метал слова, как кинжалы, надеясь увидеть страх, раскаяние, хоть что-то, что вернёт ему контроль. Но в ответ видел лишь... печаль. Глубокую, бездонную печаль. И понимание. Она понимала его боль. И это понимание было для него самым страшным оскорблением.

Он чувствовал, как в сердце его жены живёт и крепнет чувство, ставшее её главной опорой. И мысль о том, что эту опору дал не он, её муж, а какой-то грубый солдат с границы, причиняла невыносимую боль. Не боль от измены — доказательств не было. Боль от осознания, что ту крепость духа, которую он тщетно пытался построить для неё долгими годами (заборами из правил, рвами из обязательств, башнями из статуса), кто-то другой возвёл внутри неё. И построил из воздуха, из взглядов, из мысленных шепотов. Это осознание и полное бессилие что-либо изменить рождали в нём настоящее, кипящее безумие.

И однажды ночью чаша переполнилась. Он получил доклад от соглядатых и слухачей: была короткая встреча у кузницы. Обмен парой фраз. И её улыбка. Та самая. Ярость, которую он сдерживал неделями, овладела им полностью. Дыхание стало коротким, прерывистым, в ушах зазвенело. Он увидел перед собой не жену, а задачу. Угрозу. Неизвестную переменную в своём идеально просчитанном уравнении жизни. И эту переменную надо было уничтожить.

Он не думал о последствиях. Не думал о позоре, о детях, о своей карьере. Стратег в нём умер, остался только раненый зверь, защищающий свою территорию.

Фейринг вскочил на самого быстрого коня и помчался в полночной тьме через спящий город.

Ветер свистел в ушах, сливаясь с воем ярости в его груди. Он нёсся с неукротимой силой обречённого, сметая на пути всё, кроме одной цели: найти источник этого пламени и погасить его.

Когда Ланс, разбуженный бешеным топотом и криком у ворот, вышел на порог своего дома на форпосте, Фейринг уже спешил. Его лицо, обычно бесстрастное и холодное, было искажено гримасой чистого страдания и гнева. В глазах бушевала та самая буря, которую он больше не мог сдерживать.

«Ланс...» — выдохнул он, и голос его был хриплым от бешеной скачки и ещё более бешеных чувств. Он стоял, слегка пошатываясь, пальцы судорожно сжимались и разжимались. — «Наша с Айвен семья... она треснула. Раскололась. И это... это случилось из-за тебя.»

Глава 9: Ночной визит

Ланс замер на пороге. Он был в холщовой рубаше, на плечи накинут походный плащ. За его спиной в доме было тихо — Лирель и дети спали. Он вдруг ощутил, как его мир с Айвен начал охватываться льдом. Он увидел не лорда Фейринга, не стратега. Он увидел зверя в клетке собственной ярости. И он знал, как с такими обращаться — без страха, без агрессии, с бесконечным, каменным спокойствием.

«Фейринг — произнёс Ланс тихо, но так, чтобы его было слышно сквозь ветер. Голос был ровным, как поверхность озера перед бурей — Войди. Такие слова не должны висеть на ночном ветру. И твоё лицо говорит, что тебя везли не в карете.»

Он отступил в сторону, пропуская того в скудно освещённую приёмную — комнату с грубой мебелью, оружием на стенах и запахом кожи, дыма и сушёных трав. Фейринг, движимый инерцией бешенства, шагнул внутрь, его взгляд метнулся по углам, будто отыскивая улики.

Ланс закрыл дверь, оставаясь стоять у неё. Не блокируя выход, но занимая позицию хозяйина, принимающего незваного, опасного гостя.

«Я не буду отрицать, что знаю леди Айвен — начал Ланс, не приближаясь. Его руки были спокойно сложены на груди — И не буду отрицать, что дорожу её... дружбой и профессиональным мнением. Но твоё утверждение, лорд, ошибочно в самой своей основе.»

«Ошибочно?! — Фейринг выдохнул слово с такой силой, что, казалось, воздух задрожал. — Ты ворвался в её мысли! Ты украл...»

«Никто не может украсть то, что дано добровольно — мягко, но неумолимо перебил Ланс. Его голос был как валун, о который разбиваются волны — И мы говорим не о краже. Мы говорим о голоде. О долгом, изматывающем голоде души, который я не создавал. Я лишь... случайно оказался тем, кто подал чашу с водой. Не вино, не мёд — просто воду. Потому что её мучила жажда, Фейринг. И все эти годы источник был рядом, но она не могла до него дотянуться. Ты был слишком занят, чтобы заметить, что человек умирает от жажды у тебя под окном.»

Фейринг сжал кулаки, но слова, точные и безжалостные, как хирургический скальпель, проникали сквозь броню его гнева.

«Ты говоришь, семья раскололась из-за меня? — продолжил Ланс — Это значит, ты веришь, что был монолит. Но монолит не дрожит от первого же дуновения ветра извне. Монолит сначала разрушается изнутри. От времени. От холода. От отсутствия тепла. Ты борешься не со мной. Ты борешься с её отражением в зеркале, которое наконец-то показало ей целого, сильного человека. И этот человек — она сама — пугает тебя больше любого врага на поле боя.»

«Ты ничего не понимаешь! — выкрикнул Фейринг, и в его голосе впервые прорвалась не ярость, а мучительная, детская обида. — Я дал ей всё! Всё: имя, положение, безопасность!»

«Именно — кивнул Ланс, и в его глазах вспыхнула не злоба, а бесконечная, усталая печаль — Ты дал ей всё, что можно купить. Сердце, доверие, внутренний покой — это не титулы, которые можно вписать в грамоту и положить в сундук. Их нельзя завоевать раз и навсегда. Их нужно заслуживать. Каждый день. Каждым услышанным словом. Каждым взглядом, в котором человек видит не «проект», а себя. Айвен — не трофей твоих побед. Она не крепость, которую ты взял когда-то. Она живая река. И ты много лет пытался построить на ней плотину, думая, что этим овладеешь её силой. А я... — он сделал паузу, будто признаваясь в чём-то и себе. — Я просто предложил ей течь. И в этом течении она обрела силу, которая сегодня так пугает тебя. Силу быть собой. Без твоего разрешения.»

В комнате повисла тишина, густая и тяжёлая, как одеяло. Ярость Фейринга, не найдя ожидаемого столкновения, начала оседать, обнажая голую, нестерпимую боль под ней. Он смотрел на этого простого воина в поношенном плаще, который говорил с ним не как вассал с лордом, а как равный с равным. Говорил правду, от которой не было спасения. Правду, которую он всю жизнь прятал под ковёр рациональных объяснений.

Он проиграл. Битву за её душу. И проиграл её не сегодня. Он проиграл её годами тишины за ужином, годами разговоров о делах вместо разговоров о снах, годами, когда он восхищался её «необычной» красотой, но никогда не спрашивал, каково это — быть «необычной» в мире, который ценит только классику.

Казалось, буря отступила. Фейринг выпрямился, в его взгляде мелькнула тень прежнего, расчётливого стратега, оценивающего безвыходность позиций. Он глубоко, с трудом вдохнул, и когда заговорил снова, в его голосе не было уже ни ярости, ни боли. Была ледяная, неоспоримая воля. Последний бастион его власти.

«Я... требую — сказал он тихо, но каждое слово било, как молот — Чтобы вы прекратили. Всё. Любое общение с моей женой. Письма. Встречи. Эти... мысленные шепоты. Всё.»

Это был не крик отчаяния. Это был приказ. Признание поражения в войне за душу и попытка силой сохранить хоть видимость контроля над её жизнью. Он смотрел на Ланса, ожидая возражений, готовый к новой схватке.

Ланс лишь медленно, с бесконечным сожалением, покачал головой.

«Это — произнёс он так же тихо — уже вне моей власти. И, смею думать, вне твоей. Ты можешь запереть её в самой высокой башне Белого Шпиля. Ты можешь разбить все кристаллы связи в королевстве. Ты можешь отправить меня на самый дальний рубеж. Но ты не сможешь стереть «остров» в её душе. Потому что он — часть её теперь. Как шрам после старой раны. Как знание, однажды обрётённое. Как дыхание. Запретить это — всё равно что приказать ей перестать дышать.»

Ланс сделал шаг вперёд, и в его глазах, цвета летнего неба, вспыхнула та самая стальная воля, перед которой замирали драконы.

«А я, Фейринг — продолжал он — дал ей слово. Никогда не приказывать. Только просить. И сейчас я прошу тебя. Одумайся. Ты отчаянно пытаешься спасти старые развалины, запрятав под них свою жену... спрятать правду... и именно поэтому ты уже проиграл. Но помни о своём достоинстве. Постарайся понять её... её мир, её душу... ты так много тратишь сил на то, чтобы казаться, вместо того, чтобы действительно быть, Фейринг.»

Но Фейринг уже не слушал. И тем более не мог принять того, что говорит Ланс. Ведь принять означало признать, что всё, что он строил, всё, во что верил — сила, контроль, логика — оказалось бессильно против простой человеческой близости. Он резко развернулся, толкнул дверь и шагнул в ночь, оставив за спиной немого свидетеля крушения своего мира.

Ланс долго стоял у порога, глядя в темноту, куда умчался всадник. Внутри него бушевала теперь иная буря — тревога за Айвен. Он знал, что с этой минуты всё изменится. Тихая, внутренняя война подошла к концу. Начиналась другая. Открытая. И первой её жертвой, по жестокой иронии, должна была стать их связь. Он чувствовал это кожей. Чтобы защитить её от

этого обезумевшего от боли человека, ему придётся нанести удар самому. Самый болезненный удар — отступить.

Он закрыл дверь и прислонился к ней лбом. Где-то в доме тихо скрипнула половица — это была Лирель. Она не вышла. Она дала ему пространство для этой битвы, которую он только что проиграл, выиграв моральную победу. Победа эта была горькой, как полынь. И её вкус он теперь должен был предложить Айвен.

Глава 10: Холодный плен молчания

Тишина, наступившая после того визита, была особого свойства. Не смиренная, лечебная тишина, а полная, гнетущая пустота, как после ухода войска, оставившего после себя лишь вытопанную землю и смрад пожарищ.

Ланс не давал о себе знать. Ни на следующий день. Ни через день. Ни мысленного прикосновения, ни эха в кристалле, ни случайного образа заката, который они могли бы увидеть мысленно вместе. Молчание было настолько абсолютным, что стало физической преградой в воздухе, через которую не пробивался даже свет.

Айвен прожила в этой пустоте несколько дней. В итоге, её терпение лопнуло. Больше не в силах выносить эту немую пытку, она позвала его по их мысленной связи тонкой, дрожащей нитью тревоги и вопроса. В ответ она ощутила тяжёлую, как свинец, волну грусти и сожаления, накрывшую её с головой. Этого было достаточно. Она знала. Знала, что Фейринг был у него. Знала всё, даже не зная слов, которые были сказаны. Это знание обрушилось на неё ледяным ужасом, сменившимся жгучим беспокойством. Не за себя — за него. Что сказал ему Фейринг? Что он сделал? Она представила себе его спокойное лицо, принимающее на себя удар чужой, искажённой ярости, и сердце её сжалось так, что стало трудно дышать.

Собрав всю силу воли, она создала послание. Она очистила его от собственного страха, от тоски, от дрожи — как хирург удаляет из раны осколки, чтобы не занести заражения. Она отсекала всё, что могло причинить Лансу дополнительную боль или чувство вины. Остался только чистый, тихий голос её сути, кристаллизованный в одну единственную мысль, простую и ясную, как камень на ладони:

«Всё ли в порядке?»

Ответ пришёл не мгновенно. Будто он ждал, боролся с собой, стоя на краю пропасти, которую ему предстояло открыть перед ними обоими. И когда он пришёл, это было цельное, тяжелое чувство, обёрнутое в слова. Она не услышала, а ощутила его голос — низкий, лишённый привычной твёрдости, наполненный той самой грустью, которую она уловила ранее.

«Айвен...» — его мысль была похожа на стон. — «Думаю, нам сейчас стоит прекратить. Наше с тобой общение.»

Мир не замер. Он резко, со скрежетом, сменил ось. Звуки извне — пение птиц за окном Башни, шаги учениц в коридоре — отодвинулись на другую, неважную орбиту. Всё её существо сфокусировалось на этом голосе в голове, который произносил невозможное.

«Фейринг испытывает боль... настоящую, боль. Мы должны поступить человечно. Я не отказываюсь от тебя. Никогда. Ни за что. Но сейчас обстоятельства складываются так... что пока он во власти этой боли и тревоги — ты находишься в опасности. В настоящей опасности. Я не могу... я не хочу подвергать опасности тебя. И свою семью.»

Каждое слово било, как молот, высекая в её душе новую, страшную реальность. Разум, её ясный, лечащий разум, знал, что он прав. Каждое его слово было выверено, взвешено и отчеканено из самой суровой правды их мира. Это был не страх, а ответственность. Не бегство, а стратегическое отступление для спасения того, что нельзя терять. Он видел в Фейринге не соперника, а раненого зверя, способного на всё.

Но всё её существо, каждая клетка, согретая за эти годы светом их связи, кричала от ужаса перед этой беспроектной тьмой. Прекратить? Как можно прекратить дышать? Как можно приказывать прекратить биться сердцу? Их общение не было хобби. Оно было системой жизнеобеспечения. Она молчала, потому что слова застряли где-то глубоко, перекрытые комом в горле, который мешал не только говорить, но и дышать.

И тогда, в эту звенящую тишину её отчаяния, снова пришёл его голос. Тихий. Спокойный. Ласковый, как последний лучик солнца перед долгой полярной ночью. И от этого ласкового тона что-то внутри неё окончательно, с жутким хрустом, переломилось.

«Ты дорога мне...общение с тобой - моё благо...можно я иногда буду вспоминать наши беседы?»

Этот простой, невинный вопрос будто отнимал всё. Всё : их общие рассветы и закаты, их споры о драконах и поддержку в тишине, их завтраки с вкусным чаем...Он стирал с карты их внутреннего мира целые континенты чувств.

Но он оставлял одну ниточку. Одну крошечную, хрупкую точку связи...воспоминания... И в этой минимальности, в этой жалкой, унижительной милостыне контакта была заключена вся бездна предстоящей потери. Он рисовал карту будущего, где их вселенная сжималась до воспоминаний... Где их общий, сложный, прекрасный язык становился музейным экспонатом.

Боль, острая и физическая, пронзила её от темени до кончиков пальцев. Тихий, надрывный стон вырвался наружу, и тут же его затопила волна. Горячие, неконтролируемые слёзы хлынули из её глаз, не принося облегчения, а лишь вымывая из неё последние остатки надежды и сил. Она стояла посреди своего кабинета, сжавшись, будто от удара в живот, и плакала беззвучно, чувствуя, как почва окончательно уходит из-под ног.

Она так и не ответила. Не смогла. Её молчание само по себе было ответом — тихим, сдвинутым криком согласия с приговором. Слезы были единственным языком, на котором она могла сейчас говорить.

Их светлый остров не был разрушен штормом. Он был объявлен нейтральной, запретной зоной. И его хранитель, её милый друг, добровольно сложил с себя полномочия, чтобы спасти её от осады её же собственного мужа. Он отступил, чтобы защитить. И в этом жесте была такая мучительная правота и такая невыносимая жестокость, что её душа разрывалась надвое.

Пока за окном светило солнце, она сама погружалась в вынужденное, бессрочное затемнение.

Глава 11. Жизнь на фоне тишины

В королевстве Эйридан зима вступила в свои права. Ледяные Пики выдохнули, и дыхание это накрыло долины колючим инеем и ветрами, воспевающими заунывные песни.

В столице, Белом Шпиле, кипела своя жизнь, не знающая о личных драмах.

В Совете Старейшин бушевали споры о новых рудниках у подножия Пиков — не потребуют ли они каменных драконов? Фейринг, холодный и блестящий, представлял стратегии и расчёты благосостояний в Королевстве. Внутри него klokотала ярость, но наружу просачивалась только ледяная, железная логика. Он работал по восемнадцать часов, пытаясь заглушить внутренний вой пустоты. Домой он возвращался поздно, приносил детям дорогие игрушки и смотрел на Айвен оценивающим, подозрительным взглядом, выискивая в её «спокойствии» новые трещины. Он не нашёл. Трещины были слишком глубоки, чтобы быть видимыми.

Айвен: искусство быть сломанной

Дети Айвен жили своей жизнью в трещинах взрослого мира. Ниара увлеклась древними договорами с духами гор, чувствуя, что это знание может как-то помочь разобраться в той невидимой напряжённости, что витала между родителями. Роланд тайком от отца ходил в архив гильдии Укротителей, разглядывая схемы драконьей анатомии. Дастиан подрался с сыном другого лорда, отстаивая «честь мамы», о которой тот что-то неуважительное сказал. Ставиан стал чаще болеть, интуитивно реагируя на холод в стенах дома.

Башня Исцеления никогда не пустовала.

Айвен работала до изнеможения. Волна «мозговой лихорадки» накрыла город — сказался сезонный упадок света и надежды. Она лечила солдат с границы, видевших кошмары; торговцев, разорившихся из-за закрытых перевалов; жен, чьи мужья задерживались в дозорах.

Она распускала их узлы, вплетая нити прощения, принятия, любви... учила людей выделять из хаоса этого мира опоры, ласкающие души: треск полена в камине, мирный шум воды, ощущение ласкового ветра, заботу солнца... Она исцеляла других от навязчивых воспоминаний, сама находясь в плену своих.... Иногда, крайне уставшая, она ловила себя на мысли, что ждёт его... но тут же заставляла себя переключить фокус внимания. Её «спокойствие» стало профессионализмом высшего класса — оно было безупречно и совершенно мертво.

Дома её встречал Фейринг. Он был почти счастлив.

«Ты выглядишь отдохнувшей, моя жемчужина — говорил он, целуя её в лоб. — Видно, новые методики лечения идут на пользу. Ты обрела равновесие.»

Он не видел, что это равновесие мёртвого человека, плывущего по течению. Он видел отсутствие слёз, отсутствие вопросов, отсутствие той тревожной, живой энергии, что исходила от неё после встреч с Лансом. Он принимал эмоциональную смерть за исцеление. Его любовь, практичная и собственническая, довольствовалась этой красивой, функционирующей пустотой. Он с гордостью рассказывал на приёмах о «мудрой и стойкой леди Айвен», даже не подозревая, что восхищается мастерски выполненной надгробной плитой, под которой погребена душа его жены.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.